

ПРАГМАТИЗМ И ИНФАНТИЛИЗМ В АВТОРСКОЙ ОЦЕНКЕ: ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ МАЛЫХ ЭПИЧЕСКИХ ФОРМ В.М. ШУКШИНА

Пашина Е.А.

*ФБУ «Курская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации», Курск, e-mail: t_e_a_2301@mail.ru*

В статье представлен анализ рассказов В.М. Шукшина с целью выявления полярности характерологии, проявляющейся в житейских качествах прагматизма и инфантильности. Под прагматичностью понимается деловитость, экономность, расчетливое отношение к людям, к предлагаемым обстоятельствам. Антонимическую пару прагматичным составляют инфантильные герои, которые живут в ожидании чуда, верят в доброе к себе отношение, чрезвычайно легко и остро переживают чувство стыда. Предложенный анализ рассказов свидетельствует, что шукшинский сюжет строится от героя, живущего по своим внутренним законам. Житейские события становятся основой для понимания мотивов поступков героев, глубины истинно «шукшинских» героев, которые не нуждаются в чьей-либо оценке. Это герои самодостаточные, принимающие то или иное решение не по соображениям внешней выгоды, а в соответствии с велениями своей души.

Ключевые слова: типология героев, сюжет, психологизм, прагматизм, инфантилизм, авторская оценка

PRAGMATISM AND INFANTILISM IN THE AUTHOR'S ASSESSMENT: TYPES OF HEROES OF SMALL EPIC FORM VM SHUKSHINA

Pashina E.A.

*Federal Budget Institution Kursk Forensic Science Laboratory of of the Ministry of Justice
of the Russian Federation, Kursk, e-mail: t_e_a_2301@mail.ru*

The article presents an analysis stories V.M. Shukshina to identify the polarity of characterization, which is manifested in everyday qualities of pragmatism and infantilism. Under pragmatism understood efficiency, frugality, prudent attitude to people, to the given circumstances. Antonymic couple pragmatic constitute infantile characters who live in expectation of a miracle, believe in a good relationship to itself, it is extremely easy and stung by a sense of shame. The proposed an analysis stories suggest that Shukshin's story is based on the hero, living in their domestic laws. Everyday events become the basis for understanding the motivations of the characters, the depth of a true «Shukshin's» heroes, who do not need someone else's evaluation. This self-contained characters who take this or that decision is not for reasons of external benefits, and in accordance with the dictates of his soul.

Keywords: Type the characters, plot, psychology, pragmatism, infantilism, the author's assessment

Сейчас уже не надо доказывать безграничность таланта В.М. Шукшина, самобытность и традиционность его прозы, значимость в художественном наследии. Личность самого Василия Макаровича, его творчество как писателя, кинорежиссера, актера, несмотря на тот факт, что уже не одно десятилетие исследователи разных научных парадигм обращаются к нему, до сих пор представляет интерес и содержит немало нераскрытых тайн. Включенность В.М. Шукшина в деревенскую прозу, поиски постмодернистских тенденций в произведениях писателя (С. Козлова, А. Куляпин), типология героев (В. Горн, Г. Хасимова, И. Крамов), рассмотрение художественного наследия писателя в контексте русской классики (В. Десятов, А. Куляпин, О. Левашова) широко представлены в трудах исследователей. Тем не менее, многогранность таланта писателя, его мировоззренческие изменения на протяжении всей жизни, поиски ответов не только на житейские вопросы, но и сугубо философские оставляют для любителей его творчества возможность для «киного» прочтения произведений.

Как писал Шукшин: «Сама потребность взяться за перо лежит, думаю, в душе расстроенной. Трудно найти другую такую побудительную причину, которая заставит человека, что-то знающего, поделиться своим знанием с другими людьми». Предлагается, что только человек, растреванный поисками справедливости и человечности, смысла жизни, может начать путь не только познания, но и путь просвещения. А именно это движение, начавшееся с родного дома, к Истинности бытия можно обнаружить в шукшинской прозе.

Герои писателя не вымышленные, они просты и непредсказуемы одновременно, расчетливы и импульсивны, добры и неприветливы, – это то, каким видел человека Василий Макарович. Это герои, которые вышли «из людей» и пошли «в люди». Шукшин любил и уважал каждого человека, а потому нес свое слово, «пытаясь научить правде жизни». Рассказывая о жизни простых людей, писатель стремится к раскрытию отношений людей, выявлению характеров, проблем. Через взаимоотношения главного героя с другими высвечивается проблема-

тика произведений Шукшина. Поэтому одним из ключевых в процессе изучения творчества писателя является обращение к теме типологии шукшинских героев.

В своей работе автор обратился к рассказам, которые могут содержать штрихи «к романному портрету» [1] с целью выявления полярности шукшинской характеристики, проявляющейся в житейских качествах прагматизма и инфантильности. Данные определения выбраны не случайно. Они обозначают привычный диапазон оценок, бытующих в сознании современного читателя, нередко склонного оценивать литературных героев как людей в реальной жизни. Представляется, что писатель в своих сюжетах нередко отталкивался от внешних житейских оценок, несовпадающих с внутренними переживаниями героя. Несовпадение «внешнего» и «внутреннего» в персонаже становится основой психологической характеристики героя.

Опыт реальной жизни, подкрепленный наблюдениями психологов, вырабатывает стандартные оценки человека, привычные клише. Из возможного разнообразия доступных бытовому наблюдению типов личности, для своей работы автор выбирает антонимическую пару «прагматичный» / «инфантильный», учитывая, конечно, всю меру условности этих характеристик.

Под прагматичностью понимаются ценные житейские качества – деловитость, экономность, расчетливое отношение к людям, к предлагаемым обстоятельствам. Наличие таких качеств в герое предполагает жестко мотивированный сюжет, причинно-следственные связи которого ясны читателю с первого взгляда. Не представляет сложности и оценка нравственных качеств такого героя: материальное благосостояние, дающее, с его точки зрения, преимущества перед окружающими. Последнее обстоятельство переводит материальные устремления прагматика в область личностной оценки, высоту которой должны подтвердить другие.

Антиподами прагматичных героев являются те, которые сохранили в себе детскую непосредственность поступков, любопытство к людям и к миру. Такие герои живут в ожидании чуда, верят в доброе к себе отношение, чрезвычайно легко и остро переживают чувство стыда. Сюжеты, в которых они проявляют себя, часто неожиданны, мотивы их поступков кажутся окружающим нелепыми, нередко ставят в тупик внешним отсутствием логики. Именно они и являются истинно «шукшинскими», т.к. за ними стоит представление о мире, в котором царит добро,

радость, доверие человека к человеку. Жизнь души для такого героя важнее, чем мнение окружающих. Этот тип личности в авторской оценке проявлен в признаках психологического изображения, обнаруживая богатство внутреннего мира, душу инфантильного героя. Сосредоточенность в описании материального мира, мира вещей прагматика, свидетельствует об отсутствии психологизма в описании.

Сюжет внешний в рассказах Шукшина принадлежит тем, чья жизнь в полной мере исчерпывается житейской прагматикой, эгоистическим желанием утвердиться за счет чьего-то унижения, абсолютизацией собственной системы ценностей («Свояк Сергей Сергеевич» в одноименном рассказе, милиционер в рассказе «Степка»). Внутреннего, неразгаданного сюжета удостоены в творчестве В. Шукшина натуры, независимые от внешних обстоятельств уже по одному тому, что жизнь свою они выстраивают не по привычным социальным лекалам, а сообразуясь со своей натурой, которую и сами нередко не понимают. Именно такие сюжеты сообщают прозе Василия Макаровича интеллектуальное напряжение, именно они ставят его в ряд художников, наиболее близко подошедших к проблематике и поэтике прозы конца XX века.

Обратимся к шукшинской художественной практике с целью подтверждения предложенной гипотезы. Понимая, что художественный текст всегда сложнее и многоаспектнее его трактовок, наметим два типа сюжетов: сюжет внешний (событийный), в котором главной является оценка поступков героя, данная «со стороны», и сюжет «души» героя, поступки которого определены его внутренними мотивами.

Рассказы «Игнаха приехал» и «Свояк Сергей Сергеевич» по композиционному построению схожи. Игнатия Байкалова и свояка Сергея Сергеевича можно отнести к прагматичным героям. Материальный достаток является оценкой их личности, их «особого положения»: *«Игнатий был борцом в цирке. В городе у него была хорошая квартира, были друзья, деньги, красивая жена...»* [7], и в кармане у него «толстый бумажник»; *«У нас отпуск большой, мы же – льготники. <...> На особом положении. <...> В смысле зарплаты и отпуска»*. Но если обратиться к детальному анализу поступков героев, то обнаруживается несхожесть мотивов Игнахи и Сергея Сергеевича.

Игнатий Байкалов ближе к «шукшинским» героям, «прагматичным» он стал «по необходимости» в городских условиях: *« – А ты, Игнат, другой стал, – продол-*

жал отец, не обратив никакого внимания на упрек сына. – Ты, конечно, не замечаешь этого, а мне сразу видно» [7]. Отец видит произошедшие перемены в сыне: «Сын приехал какой-то не такой. В чем не такой? Сын как сын, подарки привез. И все-таки что-то не то»; «На душе у тебя что-то не так, я же вижу»; «Приехал, расхвастался тут, подарков навез... подумаешь!» [7]. Но несмотря на то, что Игнатий и «хвастался», его поведение объясняется желанием доказать, прежде всего отцу, что у него «важные дела» в городе, что он сам стал «важным». И приезд Игнатия Байкалова (мотив возвращения в родительский дом) объясняется душевной тоской: «Соскучился без вас» [7]. Поэтому Игнатия можно всё же условно отнести к инфантильным героям, это синкретичный тип, который хотя уже утрачивает связь со своими истоками, примеряя на себя «городскую маску», но в душе которого еще теплится огонек провинциальной человечности, искренности, открытости.

Другое дело – свояк Сергей Сергеевич. Он «гордился со вкусом»: «...Живого места нет на человеке – весь как лоскутное одеяло, и каждый лоскут кричит и хвалится...» [7]. И его внешние поступки являются решающими в определении отношений человека к другим людям и к себе. Желание доказать свое превосходство и тем самым унижить другого – истинные внутренние мотивы его поведения: «Говори «спасибо» и уноси, пока я не раздумал. Понял? Дарю»; «Бери... Их те таких десяток могу купить. Помни Серегу Неверова! Пошли.

Когда Андрей переступил порожек сарая, свояк Сергей Сергеевич вдруг запрыгнул ему на спину и закричал весело:

– Ну-ка – вмах!.. До крыльца» [7].

Однозначным прагматиком является свояк Сергей Сергеевич. Уже из описания внешности этого героя становится понятно, что он неприятен В. Шукшину: «Сергеем; Сергей Сергеевич, так он представился, смуглый, курносый, с круглыми, бутылочного цвета глазами» [7]. Дальнейшие характеристики героя убеждают в том, что внутренний мир ограничен внешними атрибутами (чемоданы, полные тряпок) и «потребительскими» интересами (продают ли шампанское в магазине, есть ли телевизор у свояка, куда сходить отдохнуть). Человеческая ограниченность «сваяка» исчерпывается фабульным повествованием, рассказ «Игнаха приехал» остается сюжетно открытым.

У Василия Шукшина сюжет чаще всего выходит за пределы текста в размышления читателя, заставляя его отыскивать мотивы тех или иных поступков героя. Так, например, за пределами повествования оста-

ся тайна Григория Степановича Квасова («Земляки») и дальнейшие переживания Анисима Степановича Квасова, других героев. Внешний сюжет рассказа «Земляки» строится на встрече двух братьев, один из которых не узнает другого, уверенный, что тот погиб на войне. В финале же мы понимаем, что рассказ фабульно завершен («Брат был. Гринька» [7]). И читателю вместе с Анисимом приходится искать ответы на естественно возникающие вопросы: «Зачем приходил брат?», «Почему не признался?». Однозначного ответа не будет, однако неоспоримо, что один человек всегда тайна для другого, даже если это родные братья.

Внешний сюжет в рассказе «Степка» строится по «новеллистическому» принципу: сначала радость по поводу возвращения героя из тюрьмы, затем, как в новелле, резкий фабульный поворот. И за этим поворотом – тайна человеческой личности: «– Зачем ты это сделал-то?

– Сбежал-то? А вот-пройтись разок... Соскучился. Сны замучили.

– Так ведь три месяца осталось! – почти закричал участковый. – А теперь еще пару лет накинута.

– Ничего... Я теперь подкрепился. Теперь можно сидеть. А то меня сны замучили – каждую ночь деревня снится... Хорошо у нас весной, верно?» [7].

Мотивация поступка Степана Воеводина раскрывается в рассказе: душа не выдержала, тоска замучила; дал душе вздохнуть, а теперь готов за это платить. Это та мотивация поступка, которая не поддается логике, но она может быть понятна родным Степки. Внешняя оценка побега из тюрьмы представлена «со стороны» участковым: «Три месяца не досидеть и сбежать!.. – опять изумился милиционер. – Прости меня, но таких дураков еще не встречал, хотя много повидал всяких»; «А я, честно говоря, не поверил, когда мне позвонили. Думаю: ошибка какая-нибудь – не может быть, чтоб на свете были такие придурки, оказывается, правда»; «Милиционер долго с любопытством смотрел на него. Сказал:

– А по лицу не скажешь, что дурак. – И продолжал сочинять протокол» [7]. В мотивах поступков героев остается тайна человеческой личности, «странность человеческой природы».

Степан Воеводин открыт миру, он любит людей: «Я вас всех уважаю, черти драные! Я сильно без вас соскучился»; «... Степана целиком захватило чувство содеянного добра и любви к людям. Он заметно хмелел» [7]. Ощущение радости и счастья не только самим Степаном, но и людьми вокруг стоит того, чтобы сбежать раньше сро-

ка и быть возвращенным в тюрьму с продлением срока заключения. И мир Степана тоже к нему расположен: «*Плясать оба не умели, но работали ладно – старались. Людям это нравилось; смотрели на них с удовольствием*» [7]. Тем не менее, его побег из тюрьмы непонятен внешнему миру, это импульсивный и глупый поступок. Если обратиться к авторской оценке этого персонажа, то любовное отношение к нему проявляется в описании его внешности: «*Нюра обвила горячими руками красивого соседа, прильнула наголодавшимся вдовыми губами к его потрескавшимся, пропахшим табаком и степным ветром губам...*» [7], а также реакции сомнения и неловкости участкового, которой практически и завершается рассказ.

Проанализированные рассказы свидетельствуют, что шукшинский сюжет строится от героя, живущего по своим внутренним законам. Житейские события, казалось бы, несложные, становятся основой для

понимания мотивов поступков героев, глубины истинно «шукшинских» героев, которые не нуждаются в чьей-либо оценке. Это герои самодостаточные, принимающие то или иное решение не по соображениям внешней выгоды, а в соответствии с велениями своей души.

Список литературы

1. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979. – 224 с.
2. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
3. Ковалев О.А. Заметки о функциональности в рассказах В.М. Шукшина. // Филология и человек. – 2009. – № 2. – С. 14–27.
4. Крамов И.Н. В зеркале рассказа: Наблюдения. Обзоры. Портреты – М.: Советский писатель, 1979. – 293 с.
5. Куляпин А.И., Левашова О.Г. В.М. Шукшин и русская классика. – Барнаул, 1998. – 102 с.
6. Хасимова Г.Г. Диалог в рассказах В.М. Шукшина: функционально-коммуникативный аспект исследования. – Уфа, 2002. – 134 с.
7. Шукшин В.М. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. – М., 1996.